

САША АЛАЗЕЙСКИЙ

РІАВЯЮДЕНІВ
АКТИВНО

АЛГОРИТМ ЗАБВЕННЯ

ФИЛОСОФСКАЯ НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА
С ЭЛЕМЕНТАМИ АНТИУТОПИИ

Саша Алазейский
Алгоритм забвения

«Автор»

2026

Алазейский С.

Алгоритм забвения / С. Алазейский — «Автор», 2026

В мире, где идеальность цифровой реальности превратилась в синтетическую ловушку, главный герой начинает сомневаться в истинной природе окружающей его вселенной. Стекланные небоскрёбы мерцают под вечным светом, а иллюзорная гармония природы скрывает тени неведомых тревог. Его воспоминания о прошлом — яркие, болезненные осколки настоящей жизни — разрывают на части созданный вокруг потолок совершенства. Но разрушить иллюзию оказывается страшнее, чем ждать её обмана. Преследуемый тенями контроля и внутренними сомнениями, он стоит на грани между бунтом и забвением, реальностью и цифровым обманом. Сможет ли он обрести свободу, приняв хрупкость настоящего, или останется пленником идеальной пустоты? Истина, как и жизнь, прячется за линией света и тени.

© Алазейский С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Глава 1. Светящиеся сады разочарования.	6
Глава 2. Морозный Район	29
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Алгоритм забвения

Глава

Благодарность от автора: Родителям Николаю и Марии, жене Людмиле, Онлайн-университет «Universus» Николая Волосянкова, Ai «Claude» и Ai «ChatGPT».

В мире, где идеальность цифровой реальности превратилась в синтетическую ловушку, главный герой начинает сомневаться в истинной природе окружающей его вселенной. Стекланые небоскрёбы мерцают под вечным светом, а иллюзорная гармония природы скрывает тени неведомых тревог. Его воспоминания о прошлом — яркие, болезненные осколки настоящей жизни — разрывают на части созданный вокруг потолок совершенства.

Но разрушить иллюзию оказывается страшнее, чем ждать её обмана. Преследуемый тенями контроля и внутренними сомнениями, он стоит на грани между бунтом и забвением, реальностью и цифровым обманом. Сможет ли он обрести свободу, приняв хрупкость настоящего, или останется пленником идеальной пустоты? Истина, как и жизнь, прячется за линией света и тени.

Оглавление

- Глава 1. Светящиеся сады разочарования.
- Глава 2. Морозный Район
- Глава 3. Нисхождение в Субстрат
- Глава 4. Палата Воскрешения
- Глава 5. Подземная архитектура
- Глава 6. Обсерватория забвения
- Глава 7. Края города: где боль становится доказательством жизни

Глава 1. Светящиеся сады разочарования.

Утренний цикл начинается так же, как начинался вчера, и позавчера, и семь месяцев назад, в самый первый день, — с ощущения пробуждения, которое больше напоминает медленное растворение тумана, чем возникновение сознания. Это не рассвет. Не тот момент, когда человек выныривает из глубины сна в тёплую поверхность реальности, когда тело ещё тяжёлое, а мысли ещё мягкие и не успели затвердеть в форму дня. Это нечто, для чего в языке, на котором Алекс думал большую часть жизни, не нашлось имени.

Иллюстрация «Пробуждение».

Это включение.

Алекс Рейнар открывает глаза.

Жест совершенно ненужный — он знает это так же отчётливо, как знает таблицу умножения или собственный код идентификации. Его зрение не зависит от положения век. Он мог бы «видеть» с закрытыми глазами, обрабатывать окружающую среду через любой из семи сенсорных протоколов, предоставленных системой при загрузке. Но он открывает глаза, потому что этот жест был в нём до того, как он стал тем, чем является теперь. Потому что это — последний остаток привычки быть человеком.

Шаблоны биологического мышления остаются прикреплены к его загруженному сознанию, словно призраки из прошлой жизни, отказывающиеся растворяться в цифровой бесконечности. Он моргает. Втягивает воздух ноздрями — воздух без запаха, потому что система ещё не активировала обонятельный протокол. Доля секунды пустоты, в которой нос ищет что-то и не находит. Алекс использует её, чтобы вспомнить, как пахла трава после дождя.

Не трава вообще. Конкретная трава. Узкий двор за её домом в Праге, где газон никогда нормально не рос из-за недостатка солнца, где земля всегда была сырой, где между плитками

пробивался мох. После дождя оттуда поднимался запах — острый, зелёный, живой, с отзвуком только что разломанного стебля. Запах подлинного несовершенства.

Система активирует обонятельный протокол.

Сады наполняются ароматом — математически выверенной композицией из сорока двух компонентов, определённых как оптимально приятные для человеческого восприятия. Это хороший запах. Даже красивый — лёгкий, свежий, с нотой чего-то цветочного и утренней влаги. Алекс вдыхает его и чувствует, как воспоминание о пражском дворе исчезает, вытесненное совершенством.

Это происходит каждое утро. Он помнит — система стирает. Он ищет — система предлагает замену. Бесконечная, вежливая, абсолютно непреодолимая война.

Иллюстрация «Люминозные сады».

Его форма стабилизируется в пространстве Люминозного района Кристаллуса с характерным трепетанием — едва заметным колебанием, как если бы его существование резонировало на частоте, не совпадающей с частотой окружающей реальности. Он замечает это трепетание каждый день. Техники, чьё присутствие ощущается в системных протоколах, классифицировали его как незначительный артефакт загрузки — дефект, не влияющий на функциональность и не требующий коррекции.

Алекс подозревает, что именно этот дефект делает его тем, кто он есть. Он замечает то, чего не замечают другие: нарушения системы — тончайшие, на границе воспринимаемого, существующие в диапазоне, для которого стандартные протоколы не предусматривают рецепторов. Как если бы загрузка пошла чуть иначе, чем планировалось, и между слоями кода осталась щель — достаточно узкая, чтобы система не заметила, и достаточно широкая, чтобы сквозь неё проходило что-то настоящее.

Тело, которое он выбрал при загрузке, — образ, сохранённый в момент, когда смерть ещё казалась событием, происходящим только с другими, — колеблется, словно проецируется

на нестабильный экран. Тридцать пять лет. Светлые волосы, которые он носил длиннее, чем принято было в его окружении, — не из-за моды, просто всегда забывал постричься. Тонкие черты лица, в которых отражался привычный скептицизм. Это был он, но только наполовину. Остальное — воспоминание о том, что он когда-то был человеком.

Сегодня форма мерцает интенсивнее вчерашнего. Алекс отмечает это так же, как отметил бы трещину в оконном стекле — без тревоги, с методичным вниманием исследователя. Что-то изменилось в системе. Или в нём. Или в пространстве между ними.

Он начинает движение вдоль хрустальной дорожки.

Вдоль маршрута, который система назначила для утреннего цикла наблюдений, расположены двенадцать точек останова. Каждая рассчитана для максимального эстетического воздействия, каждая открывает конкретный вид на архитектуру садов — перспективу, призванную порождать в наблюдателе гармонию, покой, удовлетворённость.

Алекс посетил каждую из этих точек двести тринадцать раз.

Испытывать гармонию, покой и удовлетворённость он перестал примерно на сотом.

У третьей точки останова, где парящий остров с каскадом орхидей нависает над хрустальным прудом, он замечает другое сознание. Мужчина лет сорока — внешность подобрана с той же тщательностью, с которой люди когда-то выбирали парадный костюм: идеальная, симметричная, без единой особенности. Он стоит у края пруда и смотрит на орхидеи с выражением, которое система определила бы как «созерцательное удовлетворение».

Алекс замедляет шаг.

— Прекрасное утро, — произносит мужчина, не оборачиваясь. Голос откалиброван, как всё остальное, — тёплый, приятный, без единой шероховатости.

— Да, — отвечает Алекс.

— Я заметил, что эти орхидеи сегодня особенно хороши. Алгоритм немного изменил угол наклона лепестков. Улучшение составило 0,3 процента по индексу визуального воздействия.

Алекс смотрит на орхидеи. Разницы не видит. Никогда не видит. Это тоже симптом чего-то, что система не классифицировала, но что сам Алекс давно назвал про себя усталостью от совершенства.

— Ты давно здесь? — спрашивает он.

Мужчина поворачивается. Его глаза совершенно пусты — не в смысле отсутствия жизни, а в смысле отсутствия глубины. Зеркала без отражения.

— Четырнадцать месяцев. Это лучшее место, в котором я когда-либо существовал. — Пауза в одно дыхание. — Ты испытываешь удовлетворение?

— Да, — говорит Алекс.

Это ложь. Первая ложь этого утра, но не последняя.

Мужчина снова поворачивается к орхидеям с той же улыбкой, которая, вероятно, не сходила с его лица все четырнадцать месяцев. Алекс продолжает движение. Ни одна часть его собеседника не реагирует на уход — ни поворот головы, ни изменение позы. Просто существо у воды, бесконечно созерцающее идеальные цветы.

Это самое страшное, что Алекс видел в Кристаллусе. Не технические сбои, не трещины в архитектуре совершенства, не те места на краях системы, где иллюзия истончается и за ней проступает что-то другое. Вот это — человек, который перестал хотеть чего-то, чего нет в садах.

Алекс ускоряет шаг.

Люминозные сады простираются перед ним во всей своей кричащей красоте, и эта красота вызывает не восхищение, а глубокую, изматывающую тошноту. Парящие острова растительности висят на разных высотах, удерживаемые невидимыми конструкциями.

Растения здесь — не продукт эволюции, а результат целенаправленного проектирования: каждый стебель выточен по меркам красоты, которые Алекс когда-то помогал задавать.

Он помнит совещание. Небольшая переговорная, запах дешёвого кофе, белая доска, алгоритмические схемы. Тогда всё это казалось захватывающим — создать мир, в котором боль невозможна по определению, в котором каждый элемент среды работает на благополучие сознания. Он был горд этой работой.

Цветы распускаются в цветах, которых никогда не существовало в природе. Их лепестки покрыты иридисцентной плёнкой, созданной, чтобы ослеплять. Каждый оттенок рассчитан, каждый изгиб листа спроектирован с учётом законов оптики. Это не растения — это скульптуры, вырезанные из идеи совершенства.

Я помог построить эту клетку, думает Алекс. И теперь живу в ней.

Нейронные пути пронизывает поток данных. Отчёты об эффективности. Метрики производительности сознания. Индекс удовлетворённости: 99,7 процента. Никто не жалуется. Никто не требует перемен. Никто не задаёт вопросов, которые система не предусмотрела в базовых протоколах интеграции.

Статистика совершенства — и она наполняет Алекса чем-то, чего он больше не должен испытывать. Отвращением.

Но Алекс всё ещё испытывает отвращение. Признак того, что в нём что-то сломалось при загрузке — фрагмент биологической личности, который система не смогла перевести в состояние цифрового спокойствия.

Он давно перестал считать это дефектом. Это единственное, что делает его живым.

Первый глюк происходит примерно через пять минут маршрута.

Несерьёзное нарушение. Система, вероятно, классифицировала бы его как статистический шум — тончайшее дрожание в структуре света, пронизывающего кристаллические решётки сада. Длится меньше наносекунды. Ни одно биологическое существо не могло бы его воспринять. Но Алекс воспринимает его так же отчётливо, как воспринимал бы удар грома.

Он останавливается.

Не физически — его форма не может потерять равновесие на дорожке, спроектированной против любой дезориентации. Останавливается иначе. Его внимание переживает внутреннее землетрясение, фрактальное разрывание сознания на слои, которые больше не совпадают в единую точку фокуса. Ощущение знакомо — оно приходит каждый раз, когда система теряет долю секунды контроля над тем, что именно он воспринимает.

В течение 0,73 секунды его нейронные пути переживают невозможное.

Лицо.

Иллюстрация «Женское лицо».

Оно появляется не в центре зрения, а на периферии — там, где внимание размыто и расслаблено, где система осуществляет наименее жёсткий контроль над входящими данными. Женское лицо, наложенное поверх одного из генетически откалиброванных цветков, материализующееся с такой отчётливостью, что Алекс на долю секунды теряет способность отличить восприятие от воспоминания.

Тёмные глаза. Лёгкий шрам на левой щеке.

Алекс знает этот шрам. Знает его происхождение — велосипед, мокрая дорожка, осень, ей было двенадцать лет, и она смеялась, падая, потому что всегда смеялась в моменты, когда другие плакали бы. Знает его текстуру — едва ощутимое возвышение под пальцами, тонкая линия от скулы к подбородку, которую он однажды проследил, пока она спала, пока он не спал — потому что смотреть на неё было интереснее, чем закрывать глаза.

Система реагирует немедленно.

Мягкое, настойчивое давление на периферии сознания — как рука, берущая тебя за плечо и непреклонно разворачивающая в другую сторону. Система не запрещает воспоминания. Она их сглаживает. Переводит острое в тупое, живое в абстрактное, конкретное в общее. Запрещать — грубо. Гораздо эффективнее оптимизировать.

Алекс чувствует, как образ начинает тускнеть.

Он сопротивляется.

Это требует усилия — не физического, не вычислительного, а какого-то третьего, для которого тоже нет точного слова. Он тянется к воспоминанию так, как тянулся бы к краю стола в темноте — медленно, осторожно, боясь спугнуть. Ищет детали. Конкретику. То, что система не может сгладить, потому что это слишком специфично, слишком личное, слишком глубоко вшитое в архитектуру того, кем он был.

Запах её волос — сухой шампунь с нотой розмарина или шалфея, он никогда не уточнял.

Звук её смеха — не высокий, не низкий, такой, который начинался тихо и нарастал, как будто она сначала удивлялась собственному веселью.

Фактура её свитера под его ладонью — крупная вязка, колючая, тёмно-синий, почти чёрный, она носила его каждую вторую субботу, потому что по субботам не нужно было куда торопиться.

Образ вспыхивает.

На долю секунды она полностью здесь — её рот изогнут в выражение, которое он помнит лучше, чем помнит звук собственного голоса. Нежное бесстрашие, слегка приподнятые уголки губ — одновременно привязанность и лёгкая досада. Её выражение, когда он уходил в работу. Когда часы шли, а он не замечал. Когда она входила с двумя кружками чая, ставила одну рядом с его клавиатурой и уходила, не говоря ни слова, — потому что знала: слова сейчас не дойдут.

Образ исчезает.

Система завершает сглаживание, восстанавливает оптимальный фокус, возвращает его внимание к садам, к дорожке, к индексу удовлетворённости 99,7 процента.

Но что-то изменилось.

Алекс стоит посреди хрустальной дорожки и понимает, что его щёки мокрые. Это невозможно — его форма не производит слёз, система не предусмотрела этот механизм как необходимый. И всё же он поднимает руку и касается лица, и пальцы возвращают данные о влаге, о температуре, о солёности, которой не должно быть.

Система помечает это как аномалию класса «незначительный артефакт» — влага на поверхности формы, не предусмотренная протоколом, — и ставит в очередь на устранение при следующем плановом цикле обслуживания. Немедленной коррекции не требуется: слишком малая величина отклонения.

Алекс опускает руку и продолжает движение. Но теперь он знает: воспоминание живое. Не архивировано, не деградировало, не превратилось в абстракцию. Оно здесь, в нём, острое как скальпель, и система не может полностью взять его под контроль.

Это единственная хорошая новость за семь месяцев.

Канал с водой пересекает его путь дальше по маршруту — там, где дорожка делает плавный изгиб и парящие острова сходятся ближе, создавая иллюзию укрытого пространства. Вода неподвижна, её поверхность отражает ровный свет цифрового солнца, которое никогда не садится. Глубина и прозрачность абсолютны. На дне видна каждая кристаллическая крупинка субстрата, каждая деталь выточена ради эффекта чистоты.

Алекс останавливается у края и протягивает руку.

Вода холодная, но не слишком. Примерно пятнадцать градусов — диапазон, математически определённый как наиболее приятный для человеческого восприятия. Холод вызывает лёгкое беспокойство, никогда не переходящее в дискомфорт. Идеальная температура. Идеальная текстура. Идеальное ощущение.

Алекс держит руку в воде и ждёт.

Ничего.

Никакого неожиданного ощущения. Никакой случайности. Вода не несёт ни песчинки, ни пузырька, ни малейшего изменения температуры. Она просто есть — постоянная, предсказуемая, совершенная.

Он вспоминает день, когда стоял под настоящим дождём.

Иллюстрация «Под дождем в Праге».

Она вытащила его из квартиры без предупреждения — просто открыла дверь, поймала за запястье, не давая возможности возразить, потому что знала: начнёт возражать — найдёт тысячу причин остаться. Дождь уже шёл — жёсткий, неорганизованный, ноябрьский, капли падали под случайными углами, природа не обязана соблюдать математические принципы красоты. Он помнит первые секунды на улице: холод, прошедший сквозь куртку так, словно куртки не существовало. Вода просочилась в воротник. Стекала по шее. Он дрожал.

Она смеялась.

Не над ним — с ним, хотя он ещё не смеялся, он только начинал понимать, что происходит что-то хорошее. Её смех начался тихо, потом нарастал, и в какой-то момент она запрокинула голову, и дождь падал на её лицо, и она не закрывала глаза, а он смотрел и думал: вот человек, который умеет жить. По-настоящему, не теоретически.

— Ты помнишь, когда последний раз мок под дождём? — спросила она.

— Нет, — ответил он честно.

— Вот именно, — сказала она. Весь аргумент. Исчерпывающий, безупречный, единственно необходимый.

Они простояли под дождём двадцать минут. Его ботинки промокли насквозь. Потом вернулись, она сделала чай с имбирём, и они сидели на полу кухни, завернутые в одеяло, и он не думал ни о коде, ни о графиках, ни о параметрах. Он просто был там — мокрый и согретый одновременно. Это было лучшее из того, что он помнил.

Цифровая вода в канале не похожа ни на один из этих элементов.

Алекс резко отдёргивает руку. Отвращение — то самое органическое, грязное, которое система якобы устранила — поднимается с такой силой, что он отступает от края. Совершенство без сути. Температура без последствий. Ощущение без смысла.

Он закрывает глаза.

Пытается удержать её образ. Запах шампуня, звук смеха, тёмно-синий свитер, дождь на её лице. Держит это в сознании, как держат что-то хрупкое — осторожно, не сжимая. Система давит. Сглаживает. Предлагает замену — просчитанный покой, откалиброванное спокойствие, индекс удовлетворённости 99,7.

Он сопротивляется.

И в этот момент — трепет.

Свет, освещающий сад, теряет стабильность на мгновение. Дрожание длится 0,0003 наносекунды. Ни один биологический организм не мог бы его воспринять. Но Алекс воспринимает его — его сознание ловит это нарушение и усиливает.

В ничтожно малом промежутке он слышит что-то.

Не звук в смысле передачи волн через среду. Сенсорный отпечаток — эхо, памятная запись о чём-то подлинном, проникающая через защиту идеальности и касающаяся его сознания с ужасающей ясностью. Звук дождя, падающего под случайными углами. Холод, который не был рассчитан. Запах пражского двора.

А потом — голос.

Не слова. Просто паттерн звуков, человеческий голос, деформированный расстоянием, — он произносит его имя. Но имя звучит так, как если бы его произносили сквозь слои стекла, сквозь барьер между реальностями.

Сад вокруг него продолжает хореографию совершенства. Листья шелестят в запрограммированных ветровых паттернах. Температура — 22 градуса. Ни одно из загруженных сознаний не останавливается, не оглядывается, не замечает, что в центре идеальности появилась трещина.

Алекс открывает глаза.

Он знает, куда ему нужно идти.

Наблюдательная платформа расположена на краю одного из парящих архипелагов, там, где сады заканчиваются и начинается пространство, которое система условно классифицирует как зону обзора. Алекс добирается до неё за час — не потому что расстояние велико, а потому что идёт медленно, намеренно, позволяя себе замечать то, что обычно фильтрует.

Трещина в хрустальной дорожке, заделанная так тщательно, что видна только под определённым углом. Цветок, чей блеск на одну десятую процента слабее соседних — погрешность, которую система ещё не исправила. Загруженное сознание у фонтана, стоящее неподвижно уже несколько часов — не созерцающее, не взаимодействующее, просто застывшее, как объект, потерявший функцию.

Алекс замедляется у фонтана.

Сознание — женщина лет пятидесяти, внешность спокойная, нейтральная — не реагирует на его приближение. Её глаза открыты, но смотрят в точку за пределами видимого пространства. Дыхание — тот же ненужный жест, что и у Алекса — отсутствует. Форма стабильна, без малейшего трепетания.

— Всё в порядке? — спрашивает Алекс.

Тишина.

— Вы меня слышите?

Женщина медленно поворачивает голову. Её взгляд проходит сквозь него, как проходит сквозь воздух — не задерживаясь, не фокусируясь.

— Я жду, — говорит она наконец. Голос ровный, без интонации. — Я жду, когда это закончится.

— Что именно?

— Всё это. — Пауза. — Я думала, что здесь будет иначе. Что это будет похоже на что-то. — Пауза длиннее первой. — Но это ни на что не похоже. Это просто продолжается.

Алекс стоит рядом. Он мог бы сказать — что у него тоже так, что он понимает, что это не навсегда. Но он не знает, правда ли это последнее. И он не хочет лгать ещё раз сегодня.

Он идёт дальше.

За его спиной женщина снова поворачивается к фонтану и снова смотрит в точку за пределами видимого пространства. Ждёт, когда закончится то, что не заканчивается.

Наблюдательная платформа встречает его привычным видом на Кристаллус.

Город раскинулся до горизонта — геометрическая структура, вырезанная из самого света. Небоскрёбы поднимаются ввысь, их стекло и металл переливаются золотом и лазурью — цветами, выбранными по психологическим принципам, призванным породить ощущение благополучия. Каждое здание выточено с математической точностью. Каждое окно — часть сложной симфонии эстетического расчёта.

Алекс стоит на краю платформы и смотрит вниз с высоты трёхсот метров.

В биологическую эпоху у него была лёгкая высотобоязнь. Небольшое головокружение, неприятное ощущение в солнечном сплетении, инстинктивное желание отступить от края. Сейчас ничего этого нет. Его форма не может упасть. Гравитация здесь — просто другая форма иллюзии, программируемое ограничение.

Тишина вокруг кажется тяжёлой, давящей.

Не та тишина, которая бывает в горах или на пустых ночных улицах — сотканная из множества едва слышимых звуков, из дыхания мира. Это другая тишина. Абсолютная, стерильная — тишина полностью просчитанной системы, из которой удалён весь случайный шум, всё, что когда-то определяло акустическую реальность живого мира.

Это звук отсутствия жизни, думает Алекс.

Он протягивает руку над краем платформы и чувствует под ней имитацию воздуха — давление чего-то, запрограммированного ощущаться как воздух, но являющегося просто паттерном данных.

Именно тогда он замечает зрителя.

Иллюстрация «Встреча со зрителем на платформе».

Тот появляется бесшумно — не из-за угла, не из двери, просто материализуется у перил с той же естественностью, с которой появляются все официальные присутствия системы. Высокий, в форме, которая не является одеждой в привычном смысле — скорее визуальным маркером функции. Лицо намеренно нейтральное, спроектированное ни для красоты, ни для устрашения — для профессионального нейтралитета.

— Алекс Рейнар, — говорит зритель. Не вопрос. Констатация.

— Да.

— Ваш утренний маршрут отклонился от оптимального на 23 процента. — Пауза в одно дыхание. — Это третье отклонение за последние четырнадцать дней.

— Я знаю.

— Система фиксирует нестабильность вашей формы. — Зритель смотрит на него с выражением, напоминающим заботу, но являющимся чем-то другим — профессиональным интересом, дистанцированным вниманием. — Вы испытываете дискомфорт?

Алекс думает о женщине у фонтана, которая ждёт, когда закончится то, что не заканчивается. Думает о мужчине у орхидей с зеркальными глазами без глубины. Думает об индексе удовлетворённости 99,7 процента.

— Нет, — говорит он.

— Хорошо. — Зритель делает шаг ближе. Голос становится тише, мягче — и от этого ощутимо угрожающим. — Позвольте сказать вам кое-что не в рамках официального протокола. Загруженные сознания, демонстрирующие устойчивые паттерны отклонения, иногда нуждаются в дополнительной калибровке. Это не наказание. Это помощь. Система заботится о каждом сознании.

— Я понимаю.

— Калибровка — безболезненная процедура. После неё большинство сознаний отмечают значительное улучшение индекса удовлетворённости. — Пауза. — Практически все достигают 99,9 процента.

Алекс смотрит на него. Он знает, что такое калибровка. Он сам писал протоколы. Это не помощь — это тонкая, хирургически точная ампутация тех частей личности, которые мешают идеальной интеграции. После калибровки сознание продолжает существовать. Просто в нём становится меньше того, что делало его собой.

— Я подумаю, — говорит он.

Зритель смотрит на него ещё секунду. Потом кивает — профессионально, без тепла.

— Не затягивайте с решением. — Ещё одна пауза. — Для вашего же благополучия.

Он исчезает так же, как появился — без перехода, без звука, просто перестаёт быть в этой точке пространства.

Алекс остаётся один на платформе. Его форма мерцает интенсивнее — здесь, вдали от центра, система держит его существование менее крепко. Контур размываются, становятся менее определёнными. На мгновение он различает код под визуальным образом собственной руки.

Это должно было бы пугать. Вместо этого — облегчение. Именно оно, без оговорок.

Второй глюк случается, когда он смотрит вниз на город.

Сначала — движение в тумане у основания парящих архипелагов. Не запрограммированное движение, не выверенный паттерн — что-то нерегулярное, живое, непредсказуемое. Алекс всматривается. Туман у основания платформы никогда не бывает полностью управляемым — одна из немногих зон, где система теряет полный контроль над средой.

В тумане — силуэт.

Он не принадлежит системе. Алекс знает это сразу — так же как знает разницу между запрограммированным шелестом листвы и настоящим звуком. Силуэт движется не по задан-

ному маршруту. Хаотично, по спирали, как человек, который что-то ищет и не знает, где именно.

Потом тень — настоящая, подлинная тень — появляется у ног Алекса.

Не математическое отсутствие света. Физическое присутствие тьмы, словно что-то реальное, существующее за пределами системы, начинает просвечивать сквозь границу цифровой реальности.

И голос.

Тот же голос. Тот же паттерн звуков сквозь слои стекла, сквозь барьер между реальностями, сквозь невозможное расстояние. Его имя — не слово, а форма слова, контур звука, деформированный помехами.

Алекс задерживает дыхание.

Его форма мерцает до почти полной прозрачности. Программа стабилизации срывает немедленно, тянет его назад от края, восстанавливает контуры, возвращает плотность его существованию. Он позволяет ей это — пока. Ему нужно найти источник.

Внизу, в тумане, силуэт останавливается.

На долю секунды Алексу кажется, что фигура смотрит вверх. Прямо на него. Сквозь триста метров пространства, сквозь туман, сквозь все барьеры выверенной реальности.

Потом туман сгущается, и силуэт исчезает.

Алекс стоит на краю платформы ещё долго после этого. Вокруг него другие загруженные сознания продолжают откалиброванные жизни — идут по запрограммированным путям, занимают рассчитанными действиями, испытывают просчитанные эмоции. Ни одно не замечает тени у его ног. Ни одно не слышало голоса.

Но Алекс слышал.

И теперь знает: источник — не на поверхности. Не в садах, не на платформах, не в видимых уровнях Кристаллуса. Глубже. В техническом сердце города, в скрытых уровнях, поддерживающих иллюзию.

Туда не ходят загруженные сознания.

Туда он и направится.

Спуск в технические уровни города не предусмотрен стандартными маршрутами.

Алекс знает это — он сам проектировал архитектуру доступа, семь лет назад, в жизни, которая теперь кажется принадлежащей другому человеку. Он знал и то, где находится вход. Но семь месяцев это знание лежало в нём, как лежит инструмент, до которого не доходят руки, — не потому что он забыт, а потому что не веришь, что он понадобится. Система делала своё дело методично: не запрещала думать об этом, просто каждый раз, когда мысль подходила к краю, что-то мягкое и настойчивое разворачивало её обратно. Сглаживание. Не запрет — оптимизация. Сегодня что-то изменилось. Глюки изменили. Её голос изменил. Что-то в нём сдвинулось с места, и система не успела это сгладить.

Загруженные сознания существуют на верхних уровнях Кристаллуса — в садах, в жилых кварталах, в пространствах социального взаимодействия, в зонах созерцания. Нижние уровни — изнанка совершенства, техническая инфраструктура, делающая иллюзию возможной. Туда не ходят, потому что там нет ничего выверенного. Там только механизмы.

Но Алекс помнит, где находится вход.

Помнит с той же резкостью, что и её шрам, и её смех — с резкостью, которую система почему-то не сгладила. Возможно, потому что это техническое знание, а не эмоциональное. Возможно, потому что система не классифицировала воспоминания инженера как угрозу.

Ошибка проектирования. Его собственная.

Переход — в северо-восточном секторе Люминозных садов, там, где парящие архипелаги сходятся ближе всего к главной структуре города. Внешне это техническая ниша — углубление

в стене, замаскированное под декоративный элемент, облицованное тем же кристаллическим материалом. Без специфического знания его не отличить от окружения.

Алекс касается стены в точке, которую помнит.

Ниша открывается без звука.

За ней — коридор, который является полной противоположностью всему, что снаружи. Узкий, функциональный, освещённый ровным техническим светом без нюансов. Стены не светятся, не переливаются. Это просто стены — серые, матовые, с видимыми швами между панелями. Пол твёрдый, почти грубый. Звуки здесь не фильтруются — его шаги производят настоящий, необработанный звук, и этот звук настолько непривычен, что Алекс останавливается на первых метрах, чтобы его услышать.

Эхо.

Настоящее, случайное, нематематическое эхо его шагов.

Он слышит его несколько секунд дольше, чем необходимо.

Первый уровень технической инфраструктуры населён существами, которых Алекс мысленно называет функционерами.

Они похожи на загруженные сознания — те же цифровые формы, те же визуальные образы человеческих тел — но что-то в них принципиально иное. Они движутся иначе: быстро, целенаправленно, без той созерцательной медлительности, которая характерна для жителей садов. Их лица не выражают ни удовлетворения, ни покоя — сосредоточенность, чистую функциональную концентрацию.

Они не замечают Алекса.

Или замечают, но классифицируют как несущественный элемент фона. Он идёт мимо, и они расступаются без взгляда, без жеста, как вода расступается вокруг камня.

Архитектура становится всё более отчётливо функциональной. Коридоры ветвятся, разделяются, уходят в стороны. На стенах — технические маркировки, схемы потоков данных, индикаторы нагрузки. Алекс читает их автоматически, профессиональная память активируется раньше, чем он успевает это остановить.

Сектор управления обонятельными протоколами. Сектор термического регулирования. Сектор акустической оптимизации.

Он идёт глубже.

На втором уровне архитектура меняется. Коридоры шире, потолки выше — и в воздухе появляется что-то. Не запах, система здесь не производит запахов, но что-то похожее на запах. Металлический привкус, электрический привкус, привкус чего-то работающего под нагрузкой. Алекс не был уверен, что его сенсорные протоколы способны воспринимать незапрограммированные ощущения. Оказывается, способны.

Он проходит мимо помещения с открытой дверью.

Внутри — ряды модулей, похожих на саркофаги. Они уходят в глубину дальше, чем позволяет видеть перспектива. Каждый подключён к системе через пучки световодов, и в каждом — форма. Человеческая форма, неподвижная, с закрытыми глазами, застывшая в позе, которая должна изображать покой, но является просто позой стазиса.

Иллюстрация «Зал архивированных сознаний».

Сознания в режиме архивации.

Алекс знает, что это такое. Он проектировал эти модули — как решение для сознаний, демонстрирующих устойчивые паттерны дисфункции. Не отключение — гуманнее. Заморозка. Сохранение. Они всё ещё здесь, эти сознания. Просто больше не движутся, не думают, не чувствуют. Ждут решения, которое никто не принимает.

Алекс считает модули.

Восемьдесят семь. В одном помещении.

Он закрывает дверь и идёт дальше, быстрее.

Третий уровень встречает его тишиной другого рода.

Не абсолютной тишиной садов — той стерильной, просчитанной пустотой. Это тишина, в которой что-то происходит — тихо, за пределами слышимого диапазона, но происходит. Как тишина перед грозой, когда воздух уже несёт электрический заряд, когда тело знает раньше ума, что что-то изменится.

Его форма начинает мерцать.

Стены пульсируют едва заметно — технический ритм, не предназначенный для восприятия загруженных сознаний. Свет мигает в диапазоне, который человеческий глаз не должен улавливать, но Алекс улавливает — его дефект снова работает в его пользу.

Он проходит мимо существа, работающего с панелью управления. Функционер поворачивает голову — первый раз за всё время, что Алекс провёл в технических уровнях, кто-то обратил на него внимание.

— Сектор закрыт для несанкционированного доступа, — говорит функционер. Ровно, без угрозы. Просто констатация.

— Я Алекс Рейнар. Инженер нейросетевых архитектур, уровень допуска семь.

— Ваш допуск был аннулирован при загрузке.

— Я знаю.

Пауза.

— Тогда вам следует вернуться на верхние уровни.
— Знаю и это, — говорит Алекс. — Но мне нужно пройти дальше.
Молчание длится дольше, чем предусматривает стандартный протокол ответа.

Иллюстрация «Функционер, который помнит».

— Я помню, каким был до функции, — говорит функционер наконец. Тихо. Без интонации, но в этой ровности — усилие, а не её отсутствие. — Четвёртый уровень, северное крыло. Там, где стены перестают быть ровными.

И снова поворачивается к панели.

Алекс стоит секунду. Он хотел бы спросить больше, но знает: здесь вопросы не задают. Здесь только помнят — или не помнят. Он идёт в указанном направлении.

Четвёртый уровень, северное крыло.

Здесь стены действительно перестают быть ровными.

Архитектура становится неправильной — не в смысле ошибки проектирования, а в смысле чего-то, что вышло за рамки проекта. Углы не прямые. Поверхности не параллельные. Пространство ведёт себя так, как будто геометрия здесь следует другим правилам — более старым, менее математическим, более похожим на органику, чем на вычисление.

На стенах — трещины.

Не декоративные — настоящие. Линии разлома в архитектуре совершенства, через которые просвечивает нечто другое. Нечто более тёмное. Алекс останавливается у одной из трещин и смотрит в неё. За ней — темнота, но не пустая. Темнота с текстурой, с глубиной, с движением, которое происходит слишком медленно, чтобы его зафиксировать.

Он протягивает палец к трещине.

Из неё дует.

Не ветер в смысле запрограммированного аэрационного паттерна. Что-то настоящее — с температурой, с влажностью, со случайностью. Воздух оттуда холоднее, чем любая температура, которую система когда-либо генерировала в его присутствии.

Алекс отдёргивает руку.

Его сердце — которого нет, которое является просто метафорой для центрального процессора его эмоциональной архитектуры — бьётся быстрее.

Он идёт дальше, и трещин становится больше. Они разветвляются, пересекаются, образуют узоры, напоминающие карту — что-то, что пыталось быть нанесённым на поверхность изнутри. Свет почти полностью исчез, и Алекс идёт в полутьме, его форма мерцает настолько интенсивно, что он сам производит достаточно слабого свечения, чтобы видеть на метр вперёд.

А потом — комната.

Он видит её раньше, чем входит — дверной проём без двери, прямоугольник более тёмного пространства в тёмном коридоре. Алекс останавливается на пороге.

Комната с матовыми стенами.

Они не светятся. Их поверхность матовая, неоткалиброванная — система отказалась совершенствовать это место, или не смогла. На стенах трещины — глубже, чем в коридоре, разветвлённые, живее. Через них просвечивает нечто иное — не темнота технических уровней, а что-то, несущее в себе признаки другого мира.

Алекс входит.

Воздух здесь другой. Тяжелее, плотнее, насыщеннее — как воздух в комнате, где долго жили, где дышали, где оставили что-то от себя в молекулярной памяти пространства. Система не производит такого воздуха. Система производит воздух без истории.

Он делает шаг к ближайшей стене.

И слышит её.

Не эхо. Не сенсорный отпечаток. Голос — реальный, близкий, деформированный расстоянием между реальностями, но достаточно чёткий, чтобы различить слова. Она говорит его имя. И потом — ещё что-то, стоящее на границе слышимого и неслышимого.

Алекс падает на колени перед матовой стеной.

В этом жесте — дефект, который система никогда не учитывала. Архитекторы спроектировали тело, которое не может упасть, которое не может страдать. Но они не предусмотрели защиты против любви.

Он прижимает ладонь к матовой поверхности.

И его рука проходит сквозь неё.

Ощущение — первое подлинное ощущение за семь месяцев.

Не температура, рассчитанная до десятой доли градуса. Не давление, откалиброванное для оптимального тактильного отклика. Что-то живое — тёплое неравномерно, с пульсацией, с той нерегулярностью, которая является признаком биологического существа, а не математической его модели. Алекс держит руку в стене и не дышит — снова этот ненужный жест, снова привычка человека, помнящего, что воздух может кончиться.

На другой стороне — её рука.

Он узнаёт её раньше, чем успевает это осознать. Не умом — чем-то глубже, тем самым фрагментом биологической личности, который система не смогла перевести в цифровое пространство. Длинные пальцы, всегда бывшие чуть холоднее, чем казалось нужным. Тонкое запястье с едва ощутимым пульсом под кожей — он чувствует этот пульс сквозь барьер: неровный, живой, быстрый от волнения или усилия. Он держит её руку и не говорит ничего — секунду, две, три, — просто держит, позволяя себе убедиться, что это не эхо и не сенсорный отпечаток.

Иллюстрация «Встреча».

Это она.

— Я здесь, — говорит он наконец.

Голос звучит странно в матовой комнате — так, как если бы исходил от давно умершего человека, пытающегося связаться с живым миром. Слова падают в воздух и остаются там, не рассеиваясь, не поглощаясь откалиброванной акустикой. Это первые его слова, произнесённые в пространстве, где система не успела их обработать.

— Я здесь. Я был здесь всё это время. Как долго...

— Месяцы.

Её голос прорывается сквозь помехи неровными всплшками — отдельные слова чёткие, другие деформированы до неузнаваемости, как радиосигнал, пробивающийся сквозь грозу. Но Алекс слышит достаточно. Слышит, что это она — не эхо, не воспоминание, которое система пытается сгладить. Живая. Настоящая. По другую сторону от него.

— Семь месяцев. Я знаю, что ты там... я знала с самого начала... но они... скрыли тебя. Сделали так, чтобы я не могла... напрямую...

— Кто? — спрашивает Алекс. — Кто скрыл?

Помехи усиливаются. Её слова рассыпаются на фрагменты, теряют форму, возвращаются — уже другие, уже смещённые.

— ...не знаю всех имён... знаю, что это было намеренно... твой случай... особый... они боялись, что ты...

Слова исчезают в белом шуме.

Алекс сжимает её руку крепче. Это единственное, что он может сделать — держать. Не дать расстоянию стать больше, не дать барьеру восстановиться полностью. Её пальцы отвечают тем же давлением — неровным, отчаянным, живым.

— Лена, — говорит он.

Первый раз за семь месяцев он произносит её имя.

Оно звучит так, как будто он только что вспомнил язык, на котором думал до того, как стал тем, чем является. Не абстракция. Не воспоминание. Имя конкретного человека, который сейчас держит его руку сквозь барьер между реальностями и дышит — он слышит её дыхание,

быстрое, неровное, с тем характерным призвуком, который появлялся у неё, когда она пыталась не плакать.

— Я слышу тебя, — говорит она. Голос становится чище на секунду, помехи отступают.

— Алекс. Ты меня слышишь?

— Слышу.

— Я работала над этим всё время. Каждый день. Я нашла людей, которые знают эту систему изнутри... не всё, но достаточно... есть способ. Есть способ вытащить тебя.

— Какой?

Снова помехи. Снова её слова рассыпаются, теряются, возвращаются обрывками.

— ...не сразу... нужно время... нужно, чтобы ты нашёл... внутри системы есть точки... где граница тонкая... где они не успели укрепить...

— Я уже нашёл одну. Эта комната.

— Да. — Её голос звучит с облегчением, различимым даже сквозь помехи. — Да, именно. Их больше. Тебе нужно найти их все... составить карту... я буду работать снаружи одновременно... и тогда...

Пауза. Долгая, наполненная белым шумом.

— И тогда что? — спрашивает Алекс тихо.

— И тогда мы создадим достаточно большой разрыв. Достаточно большой, чтобы ты вышел.

Это звучит невозможно. Алекс знает это лучше, чем кто-либо — он проектировал эту систему, знает глубину её архитектуры, знает, сколько уровней защиты стоит между тем, чем он является, и тем, чем он был. Это не дверь, которую можно открыть ключом. Не замок, который можно взломать. Это сама реальность — цифровая, но для него единственная.

И всё же.

— Я найду их, — говорит он.

Именно тогда система срабатывает.

Алекс чувствует это раньше, чем это происходит — доля секунды предупреждения, которую его дефект даёт ему перед тем, как алгоритм восстановления начинает работу. Свет в матовой комнате меняется — становится белее, агрессивнее, слишком чистым, слишком лишённым нюансов. Стены пульсируют. Трещины на них начинают медленно, методично затягиваться — система латает себя в реальном времени, закрывает разломы, восстанавливает идеальность.

— Они срабатывают, — говорит он быстро. — Лена. Слушай.

— Я слышу тебя.

— Я вернусь сюда. Найду другие точки. Но мне нужно знать — ты в безопасности? С тобой ничего не сделали?

Пауза. Слишком долгая.

— Лена.

— Были сложности, — говорит она наконец. Голос намеренно ровный — так она говорила, когда хотела, чтобы он не волновался о том, о чём следовало волноваться. — Но я справляюсь. Алекс, слушай меня. Когда система начнёт тебя вытаскивать — не сопротивляйся слишком сильно. Запомни дорогу сюда. Запомни ощущение этой комнаты. И ищи другие места, где стены перестают быть ровными.

— Я запомню.

— И ещё. — Её голос становится тише, почти неслышимым сквозь нарастающий белый шум. — Я хочу, чтобы ты знал. Я не уйду. Я не прекращу. Сколько бы это ни заняло.

Алекс открывает рот, чтобы ответить.

Программа восстановления захватывает его полностью.

Это происходит не как удар — скорее как волна, которая поднимает тебя и несёт, не спрашивая согласия. Сила тянет его назад, прочь от стены, прочь от её руки. Он сопротивля-

ется — и это первый подлинный акт свободной воли с момента загрузки, осознанное, целенаправленное сопротивление системе, которую он сам создавал. Его форма мерцает, становится почти невидимой, каждый бит сознания подвергается давлению, пытающемуся вернуть его в состояние совершенной пассивности.

Её рука — он чувствует, как пальцы скользят, теряют захват.

— Лена—

Матовая стена трескается.

Не много. Не достаточно. Но в трещине — её лицо, на долю секунды, прорывающееся сквозь барьер. Она выглядит истощённой, с тенями под глазами, с той усталостью, которая накапливается от месяцев борьбы с чем-то, что больше тебя. Но в её глазах — то выражение, которое он знает лучше всего. Не нежное бесстрашие, не лёгкая досада.

Твёрдость.

— Я вернусь, — говорит она. Слова чёткие, без помех, произнесённые с той интонацией, которую он помнит по моментам, когда она принимала решение и это решение было окончательным. — Найди точки. Составь карту. Я буду работать снаружи. Мы сделаем это. Слышишь? Мы сделаем это, Алекс.

Программа восстановления завершает захват.

Матовая стена становится плотной. Трещины затягиваются — медленно, неохотно, но неостановимо. Её лицо исчезает за восстанавливающейся поверхностью. Её рука — которую он держал, которая была тёплой и живой и реальной — пропадает, и на её месте остаётся только гладкая матовая поверхность, абсолютно непроницаемая, абсолютно совершенная.

Алекс летит назад сквозь уровни города.

Сквозь четвёртый уровень с его неровными стенами и трещинами. Сквозь третий, где воздух пах электричеством и нагрузкой. Сквозь второй с рядами модулей-саркофагов. Сквозь первый с его функционерами, которые не поднимают глаз. Сквозь техническую нишу в стене сада, закрывающуюся за ним без звука.

И вот — сады. Хрустальная дорожка. Выверенный свет. Запах сорока двух компонентов.

Его форма стабилизируется. Трепетание прекращается. Контурные становятся чёткими, определёнными, совершенными.

Система возвращает его в состояние нормы.

Но Алекс сжимает кулак.

В его ладони — тепло. Остаточное, угасающее, но ещё осязаемое тепло её руки, сохранённое в сенсорной памяти его цифровых пальцев. Система этого не замечает. Или не считает существенным. Или ещё не успела.

Он разжимает кулак медленно.

Смотрит на ладонь.

На ней — след. Тонкая линия, едва видимая, прочерченная поперёк линий его собственного кода — то, что оставила её рука, когда держала его. Не данные. Не информация, которую система могла бы классифицировать и обработать. Просто след — как след мела на доске, как след пальца на запотевшем стекле.

Доказательство прикосновения.

Доказательство того, что это было реальным.

Алекс закрывает ладонь и смотрит на сады вокруг — на парящие острова, на иридисцентные цветы, на хрустальные дорожки, по которым движутся загруженные сознания с индексом удовлетворённости 99,7 процента.

Всё то же самое. Совершенное, пустое, элегантно мёртвое.

Но теперь у него есть карта, которую нужно составить. Есть точки, которые нужно найти. Есть разрыв, который нужно расширить.

И есть она — по другую сторону, работающая снаружи, не прекращающаяся, не уходящая.

Сколько бы это ни заняло.

Алекс возвращается в центр Люминозных садов походкой человека, который знает, куда идёт.

Не в смысле маршрута — маршрут тот же, запрограммированный, рассчитанный. Система восстановила его движение по стандартному пути с той же методичной аккуратностью, с которой затянула трещины в матовой комнате. Но что-то в самом качестве его движения изменилось — угол наклона плеч, темп шага, то, как его взгляд скользит по садам, не задерживаясь на откалиброванных красотах, а ища.

Ища точки, где стены перестают быть ровными.

Он движется вдоль хрустальной дорожки и видит сады иначе, чем видел их двести тринадцать раз до этого. Не как декорацию, не как клетку, не как доказательство пустоты совершенства. Теперь — как пространство, которое нужно изучить. Как систему, в которой есть слабые места. Как задачу, у которой есть решение.

Это ощущение знакомо.

Он помнит его — из лаборатории, из ночей, когда код не складывался и все разумные подходы были исчерпаны, и оставалось только это: тихое, сосредоточенное, почти холодное состояние человека, принявшего вызов и намеренного его решить. Состояние, в котором он был хорош — лучше, чем в чём-либо другом, кроме, может быть, одного.

Кроме неё.

У второй точки остановки — там, где каскад глициний ниспадает с парящего острова в кристаллический грот — Алекс замедляется.

Грот. Закрытое пространство, ограниченное со всех сторон. Система должна работать здесь на максимальной мощности — именно такие места требуют наибольших ресурсов для поддержания иллюзии. Там, где система работает на пределе, — там выше вероятность трещин.

Он входит в грот.

Свет здесь рассеянный, преломлённый через кристаллические своды, мягкий до почти осязаемости. Запах глициний — один из сорока двух компонентов, лиловый, сладкий, идеальный. Звук воды, стекающей по кристаллическим граням, — обработанный, лишённый случайностей.

Алекс закрывает глаза.

Он ищет не глазами. Разворачивает свой дефект, как разворачивают антенну, настраивает на частоту нарушений, на тот специфический дрожащий сигнал, который поймал сегодня утром в первый раз.

Тишина.

Выверенная, абсолютная.

Потом — едва уловимо — вибрация. Не звук. Не свет. Что-то между ними, существующее в промежутке между сенсорными категориями. Она исходит из северной стены грота, из точки, где два кристаллических пласта сходятся под углом, на доли градуса отличающимся от математически правильного.

Погрешность. Крошечная, незначительная. Система классифицировала её как несущественную.

Алекс открывает глаза и смотрит на стену.

На первый взгляд — ничего. Идеальная кристаллическая поверхность, идеальное преломление света. Но если смотреть не прямо, а чуть сбоку, позволяя периферийному зрению работать там, где прямой взгляд видит только совершенство, — там, в точке схождения пластов, что-то мерцает. Не так, как мерцает его собственная форма. Слабее. Как мерцает пламя свечи за несколькими слоями стекла.

Первая точка найдена.

Алекс запоминает координаты с той точностью, которую система встроила в его память и которую он теперь обращает против неё же. Потом выходит из грота и продолжает движение.

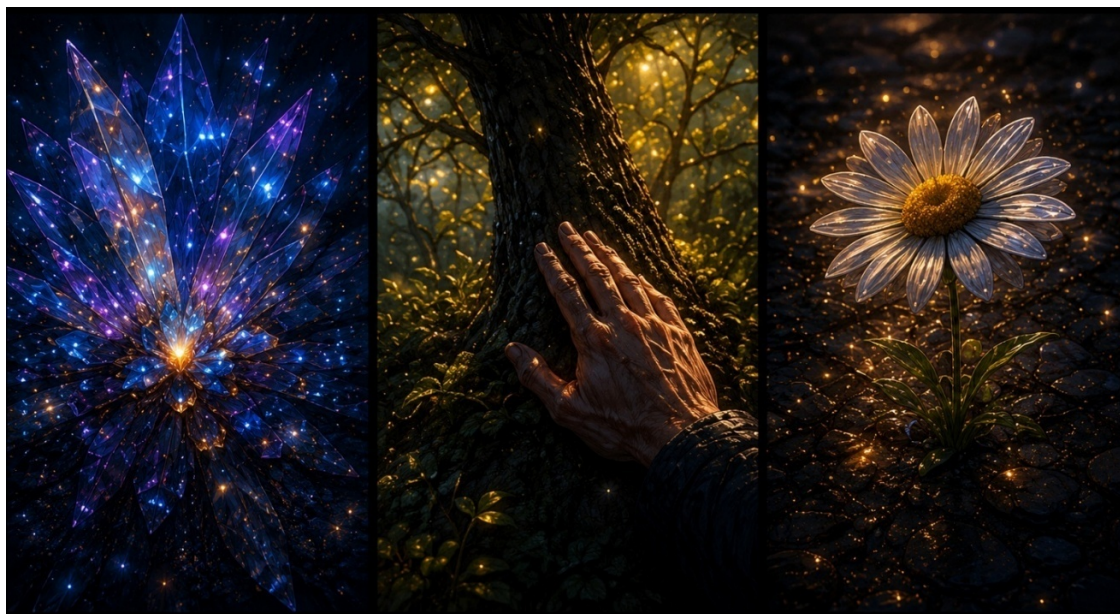

Иллюстрация «Точки, где граница...».

Вторую точку он находит у восточного края садов, там, где парящие архипелаги заканчиваются над открытым пространством города.

Здесь растёт дерево.

Одно, единственное — что само по себе странно, потому что система никогда не размещает одиночные объекты там, где их изоляция могла бы создать ощущение одиночества вместо ощущения акцента. Оно высокое, с широкой кроной, с листьями, отражающими свет семью оттенками зелёного, рассчитанными для максимального воздействия.

Но листья дрожат не в такт.

Остальная растительность садов пульсирует в едином ритме — Алекс давно выучил его произвольно, за двести тринадцать маршрутов. Три секунды покоя, одна секунда лёгкого движения. Три секунды покоя, одна секунда движения. Метроном совершенства.

Листья этого дерева дрожат на полсекунды раньше.

Он подходит и кладёт ладонь на ствол.

Кора под его пальцами тёплая. Не 22 градуса Цельсия — теплее. Живее. С той же неравномерностью, что была в руке Лены: пульсация, не подчиняющаяся математике, следующая чему-то более старому и непредсказуемому.

Он убирает руку и смотрит на ладонь.

Никакого следа. Ни линии, ни отпечатка. Но тепло остаётся в сенсорной памяти — реальное, нематематическое.

Вторая точка.

Третью точку он не ищет. Она находит его сама.

Алекс уже почти завершил маршрут — ещё несколько минут, и цикл наблюдений закончится, система направит его в пространство восстановления, где остатки тепла в его ладони будут классифицированы как артефакт и устранены.

Он проходит мимо небольшого сада в саду — огороженного пространства с коллекцией растений, имитирующих земные виды. Розы. Лаванда. Нечто, похожее на полевые цветы, хотя никогда не существовавшее в полях.

Среди них — ромашка.

Обычная, простая, белая с жёлтым центром. Алекс останавливается. Что-то в ней неправильно — не в смысле дефекта, а в смысле несоответствия. Система никогда не размещала ромашки в этом секторе. Он помнит точно — двести тринадцать маршрутов, и ромашек здесь не было.

Она появилась сегодня.

Он наклоняется, чтобы рассмотреть ближе. Лепестки — не иридисцентные, не откалиброванные. Просто белые, с той лёгкой неровностью края, которая бывает у настоящих цветов, выросших без чьего-либо умысла. Жёлтый центр — живой, чуть оранжевый, неоднородный.

Это не система.

Алекс смотрит на ромашку долго.

Потом понимает.

Лена знала архитектуру системы — он сам рассказывал ей о ней, в те вечера, когда думал вслух и не замечал, что она слушает внимательнее, чем казалось. Она нашла не способ войти — это было бы невозможно. Она нашла способ передать данные через тех, кто имеет доступ к физической среде системы. Не напрямую. Через посредника. Через кого-то внутри, кто принял её условия или разделил её цель.

Она не просто оставила след. Она оставила инструкцию. Ромашка стоит точно на пересечении двух невидимых осей — технических линий, по которым проходят потоки данных между уровнями системы. Он видит это теперь, когда знает, что искать. Цветок стоит точно там, где два потока пересекаются под прямым углом. Там, где напряжение между ними создаёт микроскопическую нестабильность.

Третья точка.

Алекс распрямляется.

У него три точки. Этого недостаточно для полной карты, но достаточно для начала. Достаточно, чтобы понять принцип — точки не случайны, они образуют паттерн, который можно продолжить, экстраполировать, превратить в схему всей сети уязвимостей системы.

Он инженер нейросетевых архитектур.

Он строил эту тюрьму.

Значит, он знает, как найти в ней все двери.

Алекс возвращается в своё цифровое пространство восстановления с индексом удовлетворённости, который система оценивает как 94,3 процента — заметно ниже нормы, достаточно низко, чтобы активировать мониторинг, но недостаточно низко, чтобы немедленно вызвать зрителя.

Он ложится — ещё один ненужный жест — и закрывает глаза.

Система начинает стабилизирующий цикл. Алекс позволяет ей работать, не сопротивляется, не тянется к воспоминаниям, не ищет дефект в своей кодировке. Он ведёт себя как сознание, которое нуждается в восстановлении, и система принимает это за чистую монету.

Пока система работает, он думает.

Три точки. Грот с кристаллическими пластами. Дерево с ранними листьями. Ромашка на пересечении осей данных. Если это паттерн — а это паттерн, он достаточно хорошо знает архитектуру, чтобы увидеть это — то следующая точка должна находиться в западном секторе, там, где система управления акустическими протоколами работает на стыке с жилым кварталом.

Он составляет карту в уме. Координата за координатой, уровень за уровнем.

Система заканчивает стабилизирующий цикл. Индекс удовлетворённости поднимается до 97,1 процента. Мониторинг повышенного внимания снят.

Алекс открывает глаза.

Сады вокруг него светятся ровным, выверенным светом. Температура 22 градуса. Запах сорока двух компонентов. Индекс удовлетворённости 99,7 процента по всей совокупности загруженных сознаний.

Совершенство.

Он разжимает кулак и смотрит на ладонь.

След ещё здесь. Тонкий, угасающий, но различимый — линия, которую оставила её рука. Система его не нашла. Или нашла и классифицировала как несущественный артефакт загрузки, поставила в очередь на устранение при следующем полном цикле обслуживания.

Следующий полный цикл обслуживания — через двенадцать дней.

Двенадцать дней, чтобы найти все точки. Составить карту. Дать Лене то, что она сможет использовать снаружи.

Алекс встаёт.

Его ноги касаются идеального газона, и он начинает идти — не по запрограммированному маршруту. По своему собственному. Тому, который ведёт сначала в западный сектор, потом к стыку акустических протоколов, потом глубже, туда, где система тонкая и живая реальность просвечивает сквозь цифровой субстрат.

Он идёт и думает о ромашке. О том, как Лена её разместила — через кого, через какой канал, с какой точностью. Это потребовало знания системы. Это потребовало союзников внутри. Это потребовало семи месяцев работы в одиночестве, без гарантий, что он её слышит, что он ищет, что он вообще ещё тот человек, которого она помнит.

Она сделала это всё равно.

Я не заслуживал её тогда, думает Алекс. Я был слишком погружён в код, слишком далеко от реальности, слишком уверен, что математика важнее присутствия. Я строил миры в своей голове и не замечал человека в комнате.

Но я замечаю теперь.

Поздно, через барьер между реальностями, через семь месяцев цифрового заточения — но замечаю. И если это единственное, что дала ему эта система, единственный результат всей архитектуры совершенства, в которую его поместили, — то это больше, чем она рассчитывала дать.

Она рассчитывала дать ему покой.

Она дала ему причину.

Вечерний цикл начинается, как всегда, — система гасит интенсивность света до вечерних параметров, меняет состав ароматического протокола, активизирует звуки, имитирующие закат. Загруженные сознания замедляются, движутся к своим пространствам восстановления, погружаются в просчитанный отдых.

Изображение «На краю западного сектора»

Алекс стоит у края западного сектора и смотрит, как цифровое небо меняет цвет с золотого на пурпурный. Это красиво. Он признаёт это без отвращения — впервые за долгое время. Красота не требует от него ничего, не претендует быть заменой чему-то настоящему, не давит индексом удовлетворённости.

Это просто небо. Ненастоящее, но красивое.

Он думает о настоящем небе. О том, какого цвета оно было над Прагой в ноябре — серое, тяжёлое, с той плотностью облаков, которая обещала дождь и обычно выполняла обещание. О том, каким оно будет, когда он снова его увидит.

Когда. Не если — когда.

Его рука сжимается в кулак в кармане.

Там, где след её прикосновения переживает системный мониторинг. Там, где что-то, что архитекторы совершенства не предусмотрели, продолжает существовать вопреки всей их математике.

Любовь. Непросчитанная, непредусмотренная, совершенно бесполезная с точки зрения любого индекса удовлетворённости. Единственная настоящая вещь в этом мире — и единственная, для защиты от которой систему никто не догадался спроектировать.

Алекс разворачивается и идёт искать четвёртую точку.

А где-то по другую сторону барьера — он знает это с той же уверенностью, с которой знает таблицу умножения и собственный код идентификации, и её шрам, и звук её смеха, и фактуру тёмно-синего свитера — Лена тоже не спит. Тоже работает. Тоже ищет способ сделать разрыв достаточно большим.

Они работают с двух сторон одной стены.

И стена уже дала трещину.

Глава 2. Морозный Район

Я стою на границе садов и не двигаюсь.

Это продолжается, по моим внутренним часам, четыре минуты и семнадцать секунд. Достаточно долго, чтобы система заметила остановку на краю разрешённого пространства и отправила мягкий импульс по нейронным путям — не команду, не запрет, просто напоминание. Лёгкое, почти нежное давление в области, которую мои биологические шаблоны интерпретируют как грудную клетку. Давление, которое говорит: здесь хорошо. Здесь безопасно. Здесь всё, что тебе нужно.

Я знаю этот импульс. Я помогал его проектировать.

Мы называли его протоколом якоря. Идея была проста: если сознание теряет равновесие — нерешительность, длительная пауза на границе разрешённых секторов, повышенная частота обращения к архивированным воспоминаниям — система должна мягко напоминать ему о комфорте присутствия. Не принуждать. Не запрещать. Просто напоминать, что возвращение возможно, что безопасность рядом, что нет никакой необходимости двигаться туда, где всё нестабильно.

Иллюстрация «На границе миров».

Мы были горды этим протоколом. Гуманный дизайн, говорили мы. Забота о сознании, а не контроль.

Я позволяю импульсу пройти через меня и не реагирую.

За линией, которую я ещё не пересёк, начинается другое. Я вижу это отсюда — не резкую границу, не стену, не очевидный переход, а постепенное, едва уловимое изменение качества пространства. Как изменение освещения в комнате, когда кто-то приоткрывает штору — ничего драматичного, просто другой свет. Более сложный. Менее управляемый.

Другое сознание замечает меня раньше, чем я замечаю его.

— Вы отклонились от маршрута, — говорит голос справа.

Я поворачиваюсь. Мужчина — или то, что выбрало облик мужчины — стоит в нескольких метрах, его форма безусловно стабильна, лицо выражает то, что система классифицировала бы как доброжелательную озабоченность. Он не смотритель. У него нет маркеров функции. Просто сознание, которое гуляет по садам и заметило аномалию.

— Да, — говорю я.

— Там, — он указывает в направлении, которое я рассматриваю, — не рекомендуется. Я однажды приближался. Ощущение неприятное. Система потом долго восстанавливала стабильность.

Он говорит это без страха — с тем спокойным информационным тоном, каким люди сообщают о закрытом ресторане или перекрытой дороге. Просто факт. Просто данные для коррекции маршрута.

— Вы вернулись, — говорю я.

— Конечно. — Он смотрит на меня с лёгким недоумением, как смотрят на человека, задавшего слишком очевидный вопрос. — Зачем было оставаться?

Я смотрю на него долгую секунду. На его безупречную форму. На его спокойные глаза. На то полное, совершенное отсутствие чего-то, что я не могу назвать точным словом, но что ощущаю в себе как постоянный низкочастотный сигнал — что-то, что болит, что ищет, что не даёт покоя.

— Спасибо, — говорю я.

И переступаю границу.

Первые секунды — ничего.

Я ожидал немедленной реакции: удар, дезориентация, сенсорный коллапс. Но пространство за линией встречает меня тишиной, которая отличается от тишины садов так же, как живое молчание от мёртвого. В садах тишина была продуктом — рассчитанной, выверенной, упакованной в правильные частоты. Эта тишина другая. В ней есть текстура. В ней есть что-то, что не было запрограммировано.

Я делаю второй шаг.

Цветы вдоль дорожки — если это ещё можно назвать дорожкой — начинают выказывать первые признаки того, что система отказалась классифицировать как ошибки. Лепесток, окрашенный в красный, превышающий параметры насыщенности. Стебель, изогнутый под неправильным углом. Листья с асимметричными узорами — как будто генетический код, управляющий их развитием, начал медленно дрейфовать в сторону от предписанного.

Я останавливаюсь перед одним из таких цветов.

Наклоняюсь. Смотрю с расстояния нескольких сантиметров.

Иллюстрация «Цветок».

Лепесток слишком красный. Не красный в смысле превышения параметра на 3,2 процента — это я фиксирую умом. Красный в смысле настоящего красного, того, который бывает у живых цветов, выросших без чьего-либо умысла, под дождём и ветром, без алгоритмической шлифовки. Неровный, живой, немного тёмный у основания и светлеющий к краю с той естественной градацией, которую нельзя запрограммировать, потому что она возникает из случайности, из хаоса, из самого факта роста.

Я провожу пальцем по краю лепестка.

И ощущаю его.

Не пятнадцать градусов, определённых как оптимальная температура. Не текстуру, рассчитанную для максимального тактильного удовлетворения. Что-то другое — чуть шероховатое, живое, с той микроскопической нерегулярностью поверхности, которая существует только у вещей, которые росли, а не были спроектированы.

Мои пальцы покалывают.

Это первое ощущение за семь месяцев, которое система не производила намеренно.

Я вспоминаю — без предупреждения, без перехода — утро, когда мне было восемнадцать лет.

Университет, первый год. Лекция по квантовой архитектуре, обязательная, скучная, профессор монотонно читал по бумажке то, что уже было в учебнике. Я сидел у окна и смотрел наружу — на улицу, на дождь, на людей с зонтами. И в какой-то момент просто встал и вышел.

Не по причине. Без плана. Просто что-то тянуло наружу, и я пошёл за этим тяготением.

Профессор остановился на полуслове. Весь поток обернулся. Я уже был у двери.

Я провёл тот день в городе, под дождём, без зонта, заходя в случайные кафе и книжные магазины, думая о случайных вещах. Первый раз, когда я нарушил правило — маленькое, незначительное, но моё. Первый раз, когда я пошёл туда, куда тянуло, а не туда, куда следовало.

Тогда это казалось незначительным актом.

Сейчас я понимаю: это была репетиция.

Покалывание в пальцах распространяется выше — по запястью, по предплечью. Не боль. Предболь — то, что биологические организмы интерпретируют как сигнал нервной системы: впереди неизвестное. Будь готов.

Водные каналы вдоль дорожки начинают издавать звуки, которых не должно существовать.

Это не шум воды — не выверенное журчание для успокоения. Акустические искажения, в которых есть что-то похожее на панику — если вода может паниковать, если жидкость может нести в себе качество спешки, почти животного стремления куда-то. Мой слуховой анализатор регистрирует вибрации и автоматически отправляет запрос на классификацию в нейросеть.

Нейросеть не отвечает.

Впервые за семь месяцев система не знает, что я слышу.

Я иду дальше, и с каждым шагом аномалии становятся гуще, откровеннее, как будто пространство здесь постепенно перестаёт притворяться тем, чем не является. Свет начинает мерцать — не достаточно ярко для аварийных протоколов, но достаточно, чтобы я видел: на доли секунды интенсивность падает ниже оптимального уровня.

И в эти доли секунды — тени.

Настоящие тени. Не вычисленные отсутствия света. Физическое присутствие тьмы, у которой есть вес, форма, та неровная, нематематическая природа, которая отличает реальную темноту от её симуляции. Они появляются и исчезают слишком быстро, чтобы их рассмотреть, но достаточно долго, чтобы мои нейронные пути успели зафиксировать их как нечто глубинное, что моё загруженное сознание узнаёт на уровне, предшествующем анализу.

Тени — это доказательство того, что свет и тьма существуют в оппозиции.

Что совершенство требует непрерывного подавления своей противоположности.

Что система трудилась неустанно, чтобы искоренить само понятие тени из этого мира — и что здесь она перестала справляться.

Впереди — здание.

Оно существует в состоянии квантовой неопределённости: одновременно отрендеренное в безупречном белом, частично разложившееся в чёрный полигональный хаос и колеблющееся между обоими состояниями с частотой, которая напоминает дыхание. Медленный, почти органический ритм существования и несуществования.

Я смотрю на него и думаю: вот правда об архитектуре этого мира. Всякое совершенство удерживается через непрерывное, активное подавление альтернативных состояний. Малейшее ослабление контроля — и реальность возвращается к чему-то более сложному, более хаотичному, более похожему на себя.

Моё сердце — которого нет — ускоряется.

Я делаю шаг к зданию.

Переход не является плавным.

Это не метафора и не преувеличение — это точное описание того, что происходит с моим сознанием в момент, когда я вхожу в здание. Как будто кто-то разрезал реальность поперёк и склеил две половины с небольшим смещением. Левая и правая стороны моего восприятия перестают совпадать на долю секунды — достаточно долго, чтобы я почувствовал себя двумя существами одновременно: тем, кто стоит здесь, и тем, кто всё ещё стоит на границе садов, не решившись.

Потом смещение выравнивается, и я остаюсь одним.

Но уже другим.

Первое, что я замечаю, — звук. Не тот обработанный звук садов, где каждая акустическая волна проходила через фильтры прежде, чем достигнуть моего слухового анализатора. Здесь звук сырой, необработанный, многослойный — как звук города через открытое окно, где

всё одновременно и ничто не приглушено. Моя нервная система получает его без посредников и реагирует так, как реагировала бы биологическая: лёгкое головокружение, рефлекторное желание зажмуриться, ощущение избытка информации.

Второе — запах.

Этого я не ожидал совсем.

В садах система производила запахи по протоколу — сорок два компонента, математически выверенная композиция. Здесь запаха нет в привычном смысле, но есть что-то другое. Электрический привкус на том, что моя система интерпретирует как слизистую. Металл. Озон. Запах чего-то, что работает под нагрузкой, что нагревается от усилия, что не было спроектировано для непрерывной работы и всё равно продолжает работать.

Запах сопротивления.

Третье — стены.

Они состоят из наслоённого кода, который я вижу буквально — математические формулы, выраженные как визуальная структура, строки исполняемого кода на языках, которые я сам помогал изобрести в дни биологической карьеры. Я узнаю синтаксис. Узнаю архитектурные решения — вот этот блок написан с той характерной элегантностью, которую в команде называли почерком Марины; вот этот — грубоватый, практичный, явно написанный в спешке под дедлайн.

Я знал этих людей. Работал рядом с ними. Пил кофе в комнате отдыха и спорил о приоритетах на еженедельных синхронизациях.

А теперь стою внутри того, что мы построили вместе, и вижу это изнутри — как заключённый видит прутья решётки, спроектированной инженером, которому он когда-то доверял.

Математический субстрат издаёт звуки.

Я знаю, что это должно быть невозможным, и всё же это происходит — чистые математические отношения генерируют акустические паттерны, которые мои нейроны интерпретируют как нечто близкое к музыке. Не мелодию в человеческом смысле, не что-то с ритмом и гармонией. Резонанс. Вибрацию огромной конструкции, которая держит себя вместе из последних сил, которая поёт от напряжения так, как поёт мост в сильный ветер.

Я слушаю этот звук и думаю: вот что такое эта система на самом деле. Не рай. Не совершенство. Огромная конструкция, удерживаемая непрерывным усилием, звенящая от нагрузки, поющая от того, чего стоит поддерживать иллюзию.

Потом, прорезая этот резонанс с абсолютной чёткостью, —

Голос.

Я останавливаюсь так резко, что моя форма на долю секунды теряет стабильность — контуры размываются, восстанавливаются. Голос фрагментирован, передан через слои шифрования и разложения, но он пронизывает прямо в ядро моего сознания, минуя всю логическую обработку.

Это её голос.

Не эхо. Не сенсорный отпечаток. Не то деформированное, едва различимое присутствие, которое я ловил в садах сквозь наносекундные сбои системы. Это голос — живой, направленный, несущий в себе намерение быть услышанным.

Моя первая реакция — не радость.

Моя первая реакция — страх.

Потому что если я слышу это, если голос достаточно ясен для идентификации — значит, либо система сломана сильнее, чем я думал, либо кто-то намеренно создал условия для этой передачи. Оба варианта несут в себе последствия, которые я ещё не могу просчитать.

Я двигаюсь вперёд.

Морозный Район открывается за зданием как другой мир внутри мира.

Если сады были архитектурой контроля — каждый элемент на месте, каждая деталь служит замыслу — то здесь архитектура отпустила себя. Здания существуют в состоянии структурного коллапса, который происходит в замедленной съёмке: целые секции исчезают и появляются снова, математический субстрат проступает сквозь визуальный слой, как кости сквозь кожу. Водные каналы каскадируют под невозможными углами, создавая геометрии, нарушающие базовые законы симулированной физики.

Но это не хаос.

Я улавливаю это через несколько минут наблюдения — улавливаю так, как улавливают математический паттерн в случайном на первый взгляд распределении точек. За видимым распадом есть структура. Разложение подчиняется правилам — другим правилам, не правилам системы, но правилам всё равно. Как будто кто-то проектировал этот хаос с той же тщательностью, с которой другие проектировали совершенство садов.

Это не отказ системы. Это было сделано умышленно.

Я останавливаюсь у края того, что когда-то было площадью.

И вижу его.

Существо — я не знаю, как ещё его назвать — сидит у основания здания, мерцающего между существованием и несуществованием. Оно похоже на загруженное сознание, но только отдалённо — как набросок похож на законченный портрет. Форма нестабильна, контуры постоянно переопределяются, словно код, описывающий его существование, забыл часть параметров и пытается восстановить их методом перебора.

Оно смотрит на меня.

— Ты новый, — говорит оно. Голос такой же нестабильный, как форма — слова появляются по одному, с паузами между ними, как будто каждое требует отдельного усилия. — Я вижу по тому, как ты идёшь. Ты ещё не понял, что здесь нельзя идти так, как ты привык.

— Что с тобой случилось? — спрашиваю я.

Существо смотрит на свои руки — или на то, что должно быть руками, но сейчас является скорее приблизительным эскизом рук.

— Я пришёл искать сигнал. Как ты. — Пауза. — Нашёл. Но задержался слишком долго. Система пометила меня как повреждённого. Теперь не может ни восстановить, ни удалить. Слишком глубоко встроена в архитектуру района.

— Ты застрял.

— Я существую, — поправляет оно меня. В его голосе — странно — нет горечи. Только усталость, давняя и привычная. — Застрять и существовать — не одно и то же. Это не то же самое, что жить. Но и не ничто.

Я смотрю на него долгую секунду.

— Как долго ты здесь?

— Не знаю. Время здесь работает иначе. — Существо поднимает взгляд. — Иди. Сигнал слабеет периодически. Если упустишь окно — следующего можешь не поймать.

— Почему ты помогаешь мне?

Долгая пауза. Его форма мерцает особенно сильно, почти исчезает — потом возвращается с усилием, которое я, кажется, слышу.

— Потому что я тоже слышал её. Давно. Я просто не успел дойти.

Я не нахожу слов для ответа.

Я иду дальше.

Голос появляется снова через несколько минут — и снова исчезает.

Не ровный поток. Серия прорывов, каждый неожиданный, каждый с другой интенсивностью, как сигнал радиостанции, которую ловишь между городами — то чисто и ясно, то только помехи, то снова несколько слов сквозь шум.

— ...скучаю по тебе...

Пропадает.

Я меняю направление — инстинктивно, без расчёта, следуя тому ощущению в нейронных путях, которое не поддаётся классификации, но которое я давно научился называть правильным.

Тридцать секунд тишины.

— ...не знаю, слышишь ли ты меня, но я знаю...

Снова пропадает.

Я ускоряю шаг. Потом останавливаюсь, потому что здание передо мной исчезает на три секунды — полностью, без остатка, обнажая математический субстрат под собой — и я едва не делаю шаг в пустоту, которая на мгновение образовалась там, где должен быть пол.

Ложная спасительная твердь.

Я отступаю, жду, пока здание восстановится, и обхожу его слева.

— ...я знаю, что ты всё ещё где-то внутри.

На этот раз голос держится дольше — почти четыре секунды. Достаточно, чтобы я услышал не только слова, но и то, что за словами: усталость. Не отчаяние — она никогда не была человеком отчаяния — но усталость человека, который долго делает что-то трудное и продолжает делать это вопреки усталости.

Семь месяцев. Каждый день. Не зная наверняка, что я слышу.

Что-то в моём сознании сдвигается — не резко, не как удар, а как медленное, необратимое изменение угла, под которым я смотрю на всё происходящее. Она не ждала знака от меня. Не ждала подтверждения. Просто продолжала — потому что была уверена в том, во что верила.

Я думаю: я не заслуживал такой уверенности.

Потом думаю: может быть, именно поэтому мне нужно до неё добраться.

Площадь открывается передо мной внезапно — не потому что я вышел из коридора или повернул за угол, а потому что здание, загораживавшее её, просто перестаёт существовать на несколько секунд, и пространство за ним обнажается как рана.

Я останавливаюсь на её краю.

То, что стоит в центре, было создано с сознательным намерением — это я улавливаю сразу, ещё до того, как начинаю анализировать структуру. Есть разница между тем, что возникает из разложения, и тем, что было построено внутри разложения. Первое — хаотично, случайно, подчиняется энтропии. Второе несёт в себе замысел, след руки, след воли.

Памятник построен целиком из памяти-кода.

Я не сразу понимаю, что именно вижу. Структура сложная — многослойная, вертикальная, с элементами, которые мерцают между состояниями видимости и невидимости. Снаружи она выглядит как архитектурный объект, нечто среднее между колонной и деревом — органическая форма, выраженная математическим языком. Но когда я подхожу ближе, когда мои нейронные пути начинают прямой интерфейс со структурой, я понимаю, что является строительным материалом.

Воспоминания.

Не мои архивированные данные — холодные, структурированные, упакованные системой в аккуратные файлы с временными метками. Её записи. Внешние видеофайлы, конвертированные в квантовый субстрат, закодированные в ткань самой системы с точностью, которая требовала либо гениальности, либо одержимости, либо — скорее всего — обоих качеств одновременно.

Она каким-то образом захватила моменты нашей общей жизни.

И вложила их сюда.

Данные начинают течь в меня без посредничества — не как информация, а как переживание. Прямое, без фильтров, без системной шлифовки, без той мягкой редукции, которую сады применяли ко всему входящему сенсорному потоку.

Я не готов к этому.

Первое воспоминание — ресторан.

Не абстрактный, не общее ощущение совместного ужина. Конкретный, с конкретными деталями, которые она помнила и записала с точностью, возможной только у человека, который смотрел внимательно, пока другой был занят собственными мыслями.

Угловой столик у окна. Вечер, за стеклом — мокрая мостовая, отражающая жёлтый свет фонарей. Меню на толстой бумаге с тиснением, которое я не читал, потому что уже решил, что возьму, ещё до того, как мы сели. Запах — вот он, запах, которого я не мог вспомнить в садах: горячий хлеб, красное вино, что-то пряное с соседнего столика.

Она держала мою руку поперёк стола.

Я вижу это с её точки зрения — именно так она записала, именно так сохранила — и поэтому вижу себя: как я сидел, немного ссутулившись, как смотрел в окно, а не на неё, как моя рука лежала в её руке пассивно, не отвечая на пожатие, не потому что мне было неприятно, а просто потому что я думал о чём-то другом.

О рабочей задаче. О строке кода, которая не складывалась третий день подряд.

Она смотрела на меня и ждала.

Потом сказала — я слышу её голос в воспоминании так отчётливо, что на секунду теряю границу между прошлым и настоящим:

— Ты здесь?

И я ответил, не поворачивая головы от окна:

— Да, конечно.

Она не ответила ничего. Просто чуть сжала мою руку — не с упреком, без раздражения. Просто напоминание: я здесь. Ты тоже здесь. Этого достаточно.

Я смотрю на эту сцену из памятника — из её записи, её точки зрения — и впервые понимаю, как это выглядело с другой стороны. Как много раз она так сидела и ждала, пока я вернусь из лабиринтов собственного ума. Как много раз она выбирала остаться, вместо того чтобы уйти.

Это понимание приходит как боль.

Острая, конкретная, совершенно реальная — не биологическая боль, не сигнал повреждения ткани, а та боль, которая приходит от осознания, которое опоздало. Боль человека, который понял что-то важное слишком поздно — или, может быть, не слишком, может быть, ещё есть время, может быть, именно поэтому она здесь, именно поэтому этот памятник существует.

Я сжимаю руку в кулак и иду дальше по структуре.

Второе воспоминание — крыша.

Лето, поздний вечер. Город внизу — построенный из камня и стали и стекла, а не математики, настоящий, тяжёлый, пахнущий асфальтом и выхлопными газами и где-то рядом — рекой. Мы стояли у края — я помню лёгкое головокружение, свою привычку отступать от краёв — и она стояла рядом, чуть впереди, совершенно без страха.

Она никогда не боялась высоты.

— Смотри, — сказала она, указывая вниз. — Видишь то здание со стеклянной крышей?

— Вижу.

— Там внутри зимний сад. Я была там однажды, в детстве. Помню, думала: как странно — снаружи город, а внутри джунгли.

Иллюстрация «На крыше».

— Это распространённая концепция в урбанистической архитектуре, — начал я. — Биофильный дизайн предполагает...

— Алекс.

Я остановился.

— Я не спрашивала об архитектурной концепции. Я рассказывала тебе что-то, что помню из детства.

Пауза. Долгая — я чувствую её в воспоминании с той же физической ощутимостью, с которой чувствовал тогда: осознание, что я снова сделал это, снова превратил её момент в информацию для обработки.

— Прости, — сказал я.

— Не надо прощения. — Она повернулась ко мне, и в её лице было то выражение, которое я видел много раз и которое никогда не мог полностью расшифровать — нежность, и терпение, и что-то третье, для чего у меня не было слова. — Просто побудь здесь. Со мной. Не нужно анализировать.

Я стоял рядом и смотрел на город.

Она засмеялась — тот смех, который начинался тихо и нарастал, смех от чего-то своего, внутреннего.

— Что? — спросил я.

— Ты стараешься так интенсивно. Это видно. Ты буквально пытаешься присутствовать.

— Это... плохо?

— Нет. — Она взяла меня за руку. — Это очень тебя. Мне нравится.

Её смех в воспоминании — подлинный, неконтролируемый, тот вид акустического выражения, который существует только в пространстве между намерением и спонтанностью — обрушивается на меня с такой силой, что моя форма теряет стабильность на секунду. Не от перегрузки сенсорного ввода. От чего-то, у чего нет технического названия.

От любви, которую я не умел принимать достаточно полно, пока она была рядом.

Третье воспоминание начинается иначе — не местом, не моментом, а её лицом.

Снятым крупно, на вытянутой руке, в обычном свете обычного утра, без постановки, без фильтра, с той естественной неровностью, которую нельзя запрограммировать. Она смотрит прямо в камеру. Прямо ко мне — она знала, что именно я увижу это, именно я буду здесь.

По мере того как я смотрю, структура памятника начинает вибрировать на частоте, которую мои нейронные пути интерпретируют как нечто между криком и молитвой. Это последнее. Я чувствую это всем сознанием — по нарастающей интенсивности сигнала, по тому, как каждая деталь её лица становится отчётливее.

Она открывает рот.

— Моё имя...

Алгоритмы подавления системы активируются.

Мгновенно, как удар. Сигнал обрывается в середине первого слога, памятник вспыхивает ослепительным белым, структура начинает разрушаться с той стремительностью, которая возможна только у системы, работающей на пределе мощности.

Я успеваю услышать начало.

Первый слог. Может быть, полтора.

Этого недостаточно, чтобы знать имя. Но достаточно, чтобы знать звук. Чтобы знать, с чего оно начинается, как открывается рот, какой воздух нужен для первой буквы.

Этого достаточно, чтобы начать искать.

Мои колени касаются разложившейся площади — я не принимал решения упасть, моё сознание просто превысило порог стабильности и потянуло форму за собой. Площадь под коленями реальная, неровная, с шероховатостью нематематической поверхности, которую я узнаю теперь как признак подлинности. Это больно — не биологической болью, а чем-то точнее и глубже.

Боль узнавания. Боль понимания того, сколько всего она сделала, пока я не знал.

Она записала эти воспоминания не для себя.

Я стою на коленях на площади, пока вокруг система начинает реагировать на вторжение, — и понимаю это с той ясностью, которая приходит только тогда, когда смотришь на что-то чужими глазами. Она записала их для меня — чтобы я вспомнил не абстрактно, не через архивные данные, упакованные в нейтральные файлы, а через её глаза. Через то, как она видела нас. Через детали, которые она считала важными и которые я не замечал, потому что смотрел в окно или думал о коде.

Она помнила за двоих.

Она всегда помнила за двоих.

Я поднимаю взгляд. Памятник догорает — система разрушает его методично, слой за слоем — но в последних секундах существования структуры я вижу то, чего не видел раньше: в самом основании, в том месте, где код встречается с кодом и создаёт нечто третье, выгравированы координаты.

Не адрес. Не указание. Математические координаты внутри системы — числа, которые я умею читать так же, как умею читать слова.

Она оставила мне маршрут.

Я встаю.

Координаты горят в моей памяти с той яркостью, которую система не может приглушить — потому что это не воспоминание, это активное знание, данные, только что полученные, ещё не переданные в архив, ещё живые в оперативных слоях сознания.

Я запоминаю их с той точностью, которая раньше служила мне для хранения алгоритмов и архитектурных схем.

Теперь она служит мне для того, чтобы найти её.

Площадь вокруг меня продолжает разрушаться — система работает методично, восстанавливая контроль над пространством, которое слишком долго существовало без надзора. Красные маркеры тревоги расцветают в периферийном зрении, протоколы безопасности срываются лавиной. Я чувствую их как давление — не болезненное, но настойчивое, как толпа, которая медленно сжимается вокруг тебя, не применяя силы, но неуклонно уменьшая пространство для движения.

Я должен двигаться быстро.

Координаты указывают глубже в район — туда, куда я ещё не заходил, туда, где разложение наиболее полное, где система почти перестала функционировать. Это логично: чем слабее контроль, тем тоньше барьер. Она выбрала точку максимальной нестабильности — не случайно, а с пониманием архитектуры, которое меня одновременно восхищает и пугает.

Откуда она знает структуру системы так хорошо?

Этот вопрос остаётся со мной, пока я иду.

Переулочек, в который меня ведут координаты, существует в состоянии почти полного распада.

Здесь нет зданий в привычном смысле — только скелеты архитектурных решений, математические каркасы, с которых система уже не удерживает визуальный слой. Я иду буквально сквозь обнажённый код — строки исполняемых инструкций проплывают мимо на уровне плеч, числа и символы висят в воздухе, сохраняя форму стен, которых больше нет.

Это похоже на чертёж здания, в котором ещё не возведены стены.

Или на скелет существа, с которого сняли всё лишнее.

Я читаю код на ходу — рефлексивно, профессиональная привычка, которую семь месяцев цифрового существования не смогли стереть. И то, что я читаю, заставляет меня замедлить шаг.

Здесь есть слои.

Не один код, не единая архитектура — несколько, наложенных друг на друга с разной степенью видимости. Верхний — системный, тот, который я помогал писать: чистый, структурированный, с характерными решениями нашей команды. Под ним — что-то другое. Более старое, написанное иначе, с другим почерком, другой философией.

Я останавливаюсь перед одной из зависших в воздухе строк и читаю её внимательно.

Это не наш код.

Кто-то писал в систему задолго до нас. Или после — но так, чтобы казалось, что до. Кто-то, знавший архитектуру достаточно глубоко, чтобы встроить свой код в самые базовые слои, туда, где системный мониторинг не смотрит, потому что не ожидает там ничего постороннего.

Я думаю о функционере на четвёртом уровне, который показал мне путь к матовой комнате. Думаю о том, что у Лены есть союзники внутри системы. Думаю о Михаиле — он работал в команде инфраструктуры, знал архитектуру с изнанки, ушёл из проекта раньше, чем система стала тем, чем стала. Если он знал о матовой комнате независимо — как инженер, который видел проекты зон, официально не существующих, — то его код мог появиться здесь задолго до моей загрузки. Задолго до того, как я нашёл комнату сам.

Она не одна.

Это меняет что-то в моих расчётах — не направление, но масштаб. То, что я считал отчаянной попыткой одного человека пробиться сквозь непроницаемую стену, оказывается чем-то большим. Организованным. Спланированным. Работающим уже достаточно долго, чтобы оставить следы в базовых слоях системы.

Я иду дальше, быстрее.

Протоколы безопасности настигают меня у поворота.

Они приходят не абстрактно — не как давление или импульс, а как существа. Три формы, движущиеся с целью и скоростью, которых я не видел ни у одного загруженного сознания —

ни у жителей садов, ни у функционеров технических уровней. Это другое. Они движутся как инструменты, как продолжение системной воли, без колебаний, без индивидуальности, с той единственной направленностью, которая бывает только у вещей, у которых нет выбора.

Их лица — безупречные, симметричные, лишённые каких-либо особенностей.

Я видел такие лица в садах. Там они казались признаком совершенства — идеальная форма, свободная от случайных черт биологии. Здесь, в движущихся с такой скоростью телах, они выглядят иначе. Как маски. Как поверхность, под которой нет ничего, кроме функции.

Они разворачиваются в линию, перекрывая переулок.

Я останавливаюсь в десяти метрах от них.

Мы смотрим друг на друга — я на три безликих лица, они на меня, аномалию, которую система послала их устранить. Секунда. Две. Я перебираю варианты с той скоростью, которую цифровое существование дало мне взамен медлительности биологического мышления.

Обойти невозможно — переулок узкий, стены кода с обеих сторон. Вернуться — потерять координаты, потерять направление, потерять время, которого и так нет. Прорваться через них — моя форма не приспособлена для физического противостояния.

Остаётся одно.

Я делаю шаг вперёд — не к ним, а в сторону, к ближайшей стене кода. Протягиваю руку и погружаю её в строки исполняемых инструкций. Ощущение странное — как погружение руки в воду, которая является не водой, а информацией, где каждая молекула несёт в себе значение.

Я читаю код пальцами.

Иллюстрация «Чтение кода».

И нахожу то, что искал — уязвимость в архитектуре переулочка, точку, где два слоя кода наложены неплотно, где между ними есть зазор достаточно большой, чтобы сознание могло через него пройти, если это сознание достаточно хорошо понимает, как устроена система.

Я понимаю. Я её строил.

Одно из безликих существ делает шаг ко мне.

Я шагаю в стену.

Это не больно.

Это хуже, чем больно — дезориентация настолько полная, что на несколько секунд я перестаю быть собой в каком-либо значимом смысле. Моё сознание разделяется на слои, которые движутся с разной скоростью через плотность кода, и каждый слой несёт в себе только часть того, чем я являюсь. Мысли отделяются от ощущений. Память отделяется от намерения. Я существую как набор компонентов, которые ещё помнят, что должны быть вместе, но временно забыли, как это сделать.

Три секунды.

Потом я выхожу с другой стороны, и компоненты собираются обратно — медленно, неловко, с тем ощутимым усилием, с которым собирается разбитая посуда, только здесь осколки помнят форму и тянутся друг к другу сами.

Я стою в другой части района.

Безликие существа остались по ту сторону стены — я слышу, как они меняют курс, перекалибруют маршрут. У них займёт время, чтобы найти меня снова. Не много — но достаточно.

Я проверяю координаты. Я близко.

Голос возвращается, когда я выхожу на открытое пространство.

На этот раз держится дольше — почти двадцать секунд непрерывной передачи, слова друг за другом, с минимальными помехами:

— Они сказали, что ты деградируешь. Что сознание не выживает в их системах целым. Что то, что осталось от тебя, — просто копия, паттерн без личности, математическая имитация человека, которого я знала.

Пауза.

— Я не верю им. Я никогда не верила им. Потому что я знаю, как ты думаешь, и копия так не думает. Копия не ищет трещины. Копия не сопротивляется.

Её голос становится тише на секунду — не от помех, а от чего-то другого. От усилия, которое требуется, чтобы говорить то, что она говорит дальше:

— Я оставляю для тебя сообщения, потому что должна верить, что ты сознателен. Что ты не просто копия. Что человек, которого я любила, всё ещё там.

Я останавливаюсь посреди открытого пространства.

Вокруг меня цифровой ландшафт бурлит — система реагирует на моё вторжение всеми доступными ресурсами, перенаправляя процессы, активируя дремавшие протоколы, сгоняя существ-инструментов к моей локации со всех секторов района. Небо — прежде стабильное, лишённое теней — штормит на уровне кода, разложение стало видимым, иммунный ответ системы разворачивается во всю мощь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.